

Глава 1

С притяжением сложно бороться.

Не всем под силу.

Ее рот был заклеен скотчем, и вдохнуть нормально никак не получалось, потому что нос заложило. Его всегда закладывало, стоило ей хоть чуть-чуть поплакать, а последние полчаса слезы текли по ее щекам не переставая. Она ведь была уверена, что держит все под контролем. Она, наивная дура, считала, что Андрей вправду в нее влюблен. Он писал такие письма, что героини любовных романов удавились бы от зависти. И она поверила.

Машина то разгонялась, то тормозила, и ее стало укачивать. Думать о том, что будет, если ее начнет тошнить, не хотелось. Думать вообще больше не хотелось. И жить тоже.

Вдруг машину подкинуло, потом еще раз и еще. Наверное, было самое время начинать молиться, но она не знала ни одной молитвы. В голову почему-то лезла считалочка на английском.

One for sorrow,

Two for joy...*

Машина перевернулась, Андрей начал кричать, но быстро умолк.

Three for a girl,

Four for a boy...**

* Одна птичка — ждет печаль,

Две — веселье ждет...

** Три — девочку встречай,

Четыре — мальчик придет...

Ее подбросило на сиденье и ударило головой о крышу. Движение прекратилось, но она все равно не смогла бы выбраться из накренившейся машины — связанные руки не оставляли ни единого шанса отстегнуть ремень безопасности.

Five for silver,
Six for gold...*

Неужели все дело в деньгах? Сколько он хотел за нее получить? Интересно, дядя согласился бы за нее заплатить или обрадовался бы ее смерти?

Seven for a secret,
Never to be told...**

Ромка так и не узнает, что это все из-за него. И ничего уже не исправишь.

Eight for a wish,
Nine for a kiss...***

Снаружи послышались крики, и кто-то распахнул водительскую дверь.

— Помоги, помоги!
— Ремень отстегивай. Быстрее!

Андрея вытащили, а она, пристегнутая на заднем сиденье, осталась незамеченной.

Потянуло дымом. Уткнувшись лбом в спинку переднего кресла, она зажмурилась.

Ten for a bird,
You must not miss****.

«Мамочка, скоро увидимся». Очень хотелось сказать это вслух, но проклятый скотч не давал. Кто-то начал раскачивать машину, будто желал разломать ее на части. Салон

* Пять — серебро рекой,
Шесть — золотая жила...

** Семь — тайна, что с собой
Унесешь в могилу...

*** Восемь — к давним чаяньям,
Девять — к поцелую...

**** Не пропусти нечаянно
Десятую, родную.

наполнился дымом, почему-то стало очень холодно и, наконец, страшно. Снаружи закричали, но она не смогла разобрать слов, в ушах начало звенеть, а потом ее накрыло чернотой.

«Прикинь, если я завалила олимпиаду по английскому?»

«Уже смешно!!!».

«А вообще сплунь. Иначе они снова меня куда-нибудь потащат».

— Черт. Телефон на столе забыл, — пробормотал Сергей, вышедший из кафе вслед за Лялькой. — Я сейчас.

Лялька, не оборачиваясь, кивнула.

— Ты точно тут постоишь одна? — с сомнением в голосе уточнил Сергей.

Лялька повернулась к нему и демонстративно закатила глаза. После того как Андрей, их бывший водитель, ее похитил и она едва не погибла в аварии, ее пасли круглосуточно. Даже на сегодняшнюю олимпиаду, которая ей сто раз не упала, но психолог, видите ли, посчитала, что это отличный способ переключиться, ее сопровождал дядя. Удивительно, что он еще в кабинет за ней не пошел.

— Ты бы уже сходил давно, — негромко произнесла она.

Димка сказал, что она в последнее время стала говорить слишком тихо. Сперва, после сотрясения, ей было больно разговаривать громко, а потом она, наверное, привыкла.

Сергей вернулся в кафе. Лялька осмотрелась по сторонам и обратила внимание на парня, стоявшего у мопеда, припаркованного на краю тротуара. Некоторое время она наблюдала за тем, как он безуспешно пытается засунуть здоровенную посылку в средних размеров рюкзак, лежавший на сиденье мопеда. Парень чем-то неуловимо напоминал Ромку. Впрочем, Ромку ей напоминали все мало-мальски похожие на него парни, потому что она скучала до одури. Почувствовав ее внимание, он поднял раздраженный взгляд. Половина его лица была скрыта шлемом, но даже этого хватило, чтобы понять, что с Ромкой они совсем не похожи.

Ее телефон пиликнул:

«ТТТ».

Взглянув на экран, Лялька нахмурилась. Ромка ответил с опозданием в полминуты, а набрал всего три буквы.

«Ты занят?» — написала она.

«Немного. Напиши, как будут результаты».

Лялька снова нахмурилась и решила не отвечать. Невролог предупреждала о возможных перепадах настроения, но дело было не в последствиях аварии. Дело было в Ромке. Мириться с тем, что у него есть своя жизнь, в которой не было места Ляльке, становилось все сложнее.

Сунув телефон в боковой карман рюкзака, она натянула на голову капюшон пальто.

— Поехали? — спросил подошедший Сергей, и Лялька, кивнув, бросила напоследок взгляд на парня с мопедом.

Тому наконец удалось запихнуть посылку в рюкзак, но теперь замок не желал застегиваться. Лялька невольно улыбнулась; парень, заметив ее улыбку, что-то пробормотал, но она, разумеется, не услышала. Впрочем, судя по его взгляду, это было к лучшему.

Перед тем как сесть в машину, Лялька глубоко вздохнула и сосчитала до трех. Дальше не успела, потому что открывший для нее дверь Сергей смотрел выжидающе, и она решила не нервировать его лишней раз.

Сергей вел машину так осторожно, как будто его багажник был забит хрустальными вазами. Ляльке хотелось спросить: а с Димкой он так же ездит? Но она, разумеется, промолчала.

Машина неожиданно вильнула, и Лялькино сердце ухнуло в пятки. Сергей выругался себе под нос и, перехватив ее взгляд в зеркале заднего вида, пояснил:

— Накупят мопедов, а ты потом уворачивайся от них.

Лялька привычно не стала комментировать. Димка и Сергей были уверены, что Лялька — социофоб, но на самом деле ни дядя, ни брат ничего о ней не знали. Иногда ей хотелось залезть на самую высокую крышу в городе и закричать о том, как сильно она любит Ромку, хотя в реальности она не признавалась в этом ни одной живой душе. Даже психологине,

которая вытрясала из нее мозги пару раз в месяц, — чаще Лялька не давалась.

Ромка был ее тайной, ее миром, он был ею.

— Волнуешься за результат? — голос Сергея выдернул Ляльку из грез.

Та пожала плечами. Иногда ей было любопытно, какое впечатление ее молчание и отстраненность производят на окружающих, но потом она вспоминала, что никто из них не имеет для нее значения. Разве что Димка немного. И совсем чуть-чуть Сергей, хотя в отношении последнего все было сложно.

Сергей еще некоторое время бросал на нее взгляды, но вскоре перестал. Ляльке, честно признаться, нравилось то, что он не делал трагедии из ее молчания. Наверное, поэтому с ним она разговаривала чаще, чем с другими, несмотря на то что, в отличие от наивного Димки, была уверена: Сергей прикарманивает их наследство. Станным образом в глубине души она все равно его уважала.

Сергей был совсем не похож на их отца, хоть и приходился тому братом. Говорили, что отец был ярким, шумным, много смеялся и всегда все делал по-своему. Сама Лялька отца почти не помнила. Это было странно, ведь с момента трагедии прошло всего три года и ей было почти двенадцать, когда вертолет с родителями разбился, но что-то словно не давало Ляльке их вспоминать. Особенно отца. Маму она иногда видела во сне, а образ папы сливался с образом Сергея, хотя тот не был ни шумным, ни ярким. Но если отбросить подозрения в краже денег их семьи, Сергей реально много делал для племянников. Он терпел Димкины загулы, терпел его ор и обзывательства, он не ограничивал их в деньгах и всегда следил за Димкиными успехами в универе и Лялькиными в онлайн-школе. Он частенько интересовался тем, что они сейчас проходят по тому или иному предмету. А уж то, что ради нее он пытался приобщиться к таким явлениям, как кей-поп и манга, Лялька воспринимала как подвиг, хоть ей и было неловко слушать его совершенно идиотские рассуждения на эти темы. Хотелось попросить его расслабиться и никогда больше не читать и не слушать того,

в чем он все равно не в состоянии разобраться, но Лялька боялась его обидеть. Окажись она на его месте, вряд ли так старалась бы наладить отношения с племянниками.

Сергей, конечно, тоже ее не понимал. Сам он был уверен: это оттого, что они почти не общались до гибели родителей. Но на самом деле ее никто не смог бы понять. Ни у кого внутри не было такой пустоты, которую не заполнишь ни музыкой, ни книгами, ни перепиской с онлайн-друзьями.

Пустота появилась давно. Пожалуй, еще до гибели родителей. В момент, когда придурок Димка поссорился с Ромкой и тот перестал появляться у них на выходных. Когда родителей не стало, пустота разрослась до размеров Вселенной, но сама Лялька плохо помнила то время. Помнила только, что было очень страшно и почти все равно, что будет дальше. А потом Димка принял решение переехать из Лондона в Москву, потому что, видите ли, не мог больше находиться в доме, где они жили с родителями. Только Димка мог быть таким дураком, чтобы поменять один дом на другой, в который они точно так же приезжали всей семьей. Только он мог вот так, не подумав, разрушить все, что осталось у Ляльки в жизни.

— Стоило так нестись, чтобы все равно оказаться рядом на светофоре, — пробормотал Сергей, и Лялька посмотрела в окно.

Рядом с их машиной, близко притершись к ней боком, стоял мопед. Водителем оказался тот самый парень, который засовывал посылку в неподходящий по размерам рюкзак. Встретившись с Лялькой взглядом, он вдруг потянулся к ее окну и постучал. Лялька вздрогнула и шарахнулась в сторону, натягивая ремень безопасности.

Сергей ударил по клаксону и выругался. Парень убрал руку от стекла и, прокатившись вперед, поравнялся с Сергеем. Приподняв стекло шлема, он что-то сказал. В это время загорелся зеленый, и Сергей рванул с места так, что Ляльку отбросило на спинку сиденья.

— Идиот, — пробормотал Сергей, то и дело поглядывая в боковое зеркало.

Лялька оглянулась. Мопед отстал.

— Ты как? — с тревогой спросил Сергей.

— Нормально, — соврала Лялька и, схватив рюкзак, принялась рыться в поисках мобильного.

Ей нужно было написать Ромке. Прямо сейчас. Они ведь договорились, что больше у нее не будет тайн, что с любыми страхами и проблемами она может обращаться сразу, потому что он «испугался до чертиков и повторять не хочет».

Иногда, когда ее накрывало страхами и утягивало в бездну, Лялька вспоминала первые дни после аварии. Она провела в больнице около недели и каждый день — каждый без исключения — видела Ромку. После перерыва в три долгих года это было как заново научиться дышать. Только его присутствие спасало от воспоминаний об удушающем запахе гари, о связанных руках и чувстве беспомощности.

Три года она видела его исключительно на фото и изредка по видеосвязи, поэтому, увидев его вживую, в первый момент растерялась. Он перерос Димку, а еще стал таким красивым, что у Ляльки, стоило ей взглянуть на него, начинала кружиться голова. Димка нервничал и на каждое ее движение вопил, что ей нужно лежать, а Лялька думала, что ее брат все-таки ничего не понимает в девушках. Да она бы и под дулом пистолета не встала с кровати, потому что на ней была идиотская больничная рубашка.

Ромкины глаза в искусственном освещении палаты казались совсем зелеными. А еще никакая видеосвязь не могла бы передать то, как он пахнет. Димка суетился, без конца передвигал с места на место вазу с цветами, пытался шутить и всячески дергался. Ромка был спокойным и улыбался. А у Ляльки щемило сердце. Она ведь просто хотела его поцеловать. Она совсем не хотела, чтобы он пострадал, вытаскивая ее из горящей машины. Теперь же она еле сдерживала слезы, глядя на его забинтованные кисти и заклеенную переносицу. И плевать было на то, что лечащий врач списывал плаксивость на сотрясение. Голова у нее болела вполне терпимо. Плакать хотелось от страха, что его могло не стать в той аварии. И Димки могло не стать. И как же жить после этого?

Лялька мечтала, чтобы Ромка говорил, но тот то ли из-за присутствия Димки, то ли по какой-то другой причине большей частью молчал, лишь улыбался. А ей так хотелось слушать

его голос, не искаженный динамиками. Сама она тоже молчала, потому что на нее напала какая-то нелепая, сковывающая неловкость. Казалось, любое неосторожное слово что-то разрушит, сотрет его улыбку. К концу проведенной в больнице недели, в течение которой они с Димкой приходили каждый день, она разрывалась между желанием видеть Ромку и вернуться к привычному общению по телефону. Потому что по телефону говорить было нестрашно. По телефону у него не было шанса увидеть, что она краснеет или, зажав рот, чтобы он не услышал ее писка, прыгает от радости по комнате.

На выписку Ромка не приехал. Ее забирала Димка и Сергей, и у Ляльки испортилось настроение. Она наорала на Димку за какую-то тупую фразу, а потом позвонил Ромка, спросил, как у нее дела, и в ее никчемном мире снова взошло солнце. Как бы пафосно это ни звучало.

Они разговаривали почти двадцать минут. Димка то и дело оборачивался к ней с переднего сиденья, и Лялька, не выдержав, сказала Ромке, что, кажется, Димка ревнует. Только она не понимает, кого к кому.

Ромка после паузы рассмеялся, но комментировать это не стал. Димка тут же отвернулся, ничего не сказав. И это было странно, потому что единственным плюсом ее авантюры, обернувшейся в итоге похищением, стало то, что Димка с Ромкой вновь начали разговаривать. А потом Ромка сказал:

— Ляль, давай договоримся: если тебя беспокоит любая ерунда, говори сразу, о'кей? Все всегда можно решить. Пока люди... живы.

Перед последним словом он запнулся, и стало понятно, что он говорит об их с Димкой родителях. Лялька обычно затыкала любого, кто начинал беседу на эту тему. Но Ромка не был любим. Ромка искренне по ним скорбел, и он был частью ее жизни.

— Ляль, — позвал он. — Ты расстроилась?

Ляльке хотелось сказать, что она не расстроилась, что для нее очень важно, что он о ней волнуется, но она не могла выдать из себя ни слова, поэтому просто оборвала звонок.

Глава 2

Когда выбрал бороться, готовься, что просто не будет.

— Рома, вы с Димкой слепые. Оба!

Роман не стал поворачиваться к Маше, хотя прямо сейчас они стояли на светофоре и у него была возможность отвлечься от дороги. Он понимал, что Маша, скорее всего, права, но признавать это очень не хотелось, потому что масштабность проблемы, которая могла возникнуть из-за их с Волковым ошибки, пугала до дрожи в животе. Сильнее стиснув руль, он пожал плечами.

— Ничего не скажешь? — не могла успокоиться Маша.

Роман вздохнул. Ссориться с ней не хотелось. За последний месяц это была бы их вторая ссора. Да, он считал, потому что присутствие Маши в его жизни до сих пор казалось подарком, которого он не заслужил, который предназначался кому-то другому. И для подобных мыслей были все основания, потому что где-то рядом всегда был Волков. За этот месяц они провели вместе с Волковым больше времени, чем за последние три года. Вместе таскались на допросы, вместе ездили в офис к отцу и Сергею, чтобы подписать документы на прохождение практики. Вместе обедали в доме Волковых, и вот сегодня вместе пили чай. И это было худшее чаепитие в жизни Романа.

— Рома, — Маша положила ладонь на его колено и легонько сжала. Роман бросил на нее быстрый взгляд. — Она тебе нравится?

— Что? — Роман вновь отвлекся от дороги и, ошарашенно посмотрев на Машу, рассмеялся.

— Ты слышал, — отрезала Маша.

Роман терпеть не мог, когда она говорила таким тоном. Будто они опять чужие и она снова девушка Волкова.

Ну, в смысле, он раньше так считал, хотя Маша ею и не была никогда.

— Да, Маша, она мне нравится. Я ее люблю. Но это не имеет никакого отношения к той любви, которая... Господи, можно я не буду это объяснять? — попросил он.

В прошлый раз они поссорились из-за Волкова. Это было на пятый день после злополучной аварии. Они договорились проведать Ляльку, а потом поужинать втроем. Маша поехала к больнице, но стоило им спуститься с крыльца, как Волков психанул из-за чего-то на ровном месте и свалил домой. Маша, разумеется, расстроилась, и Роман попытался объяснить ей, что Димка просто беспокоится о сестре и не нужно на него обижаться.

— Дело не в беспокойстве за сестру, Рома, — ответила тогда Маша. — Неужели ты не видишь, что он бесится, потому что так тебя и не простил? Ни за ту вашу ссору из-за Эммы или как ее там? Ни за то, что мы с тобой вместе.

Роман смотрел на это иначе. Во-первых, потому, что ситуацию с Эммой спровоцировал сам Димка. Это он решил проверить свою тогдашнюю девушку, поведется ли та на Романа. Роман ему подыграл, Эмма повелась, и это стоило им дружбы. Но все случилось больше трех лет назад, и встряска с Лялькиным похищением, казалось, стерла все дурацкие обиды. А во-вторых, Димка ведь сам сказал, что не против, о чем Роман и сообщил Маше.

— Слушай, он лично мне сказал, что не против нас с тобой. Почему я должен ему не верить? Просто он боится потерять еще и Ляльку. Понимаешь? Мы все испугались.

— Ты безнадежен! — в сердцах сказала Маша. — Как можно не замечать очевидного?

Роман не знал, что ей ответить, потому что, вероятно, действительно был безнадежным идиотом, раз не пытался выискивать в словах и поступках Волкова двойной смысл.

— Я домой, — сообщила Маша.

— Я тебя отвезу.

— Здесь за углом остановка автобуса. Я доберусь сама, — ответила Маша и вправду направилась к остановке, но Роман поймал ее в охапку и почти силой дотащил до машины.

Признаться, он решил тогда, что все кончено, но пока они в молчании доехали до Машиного дома, та немного остыла. В итоге Роман извинился, хотя, если уж быть честным, виноватым себя не чувствовал, и они помирились. И вот сегодня они снова ссорились.

После его слов о том, что он любит Ляльку, Маша отвернулась к окну. Целых семь минут в машине царил тишина. Роман следил за часами, а потом не выдержал. В его жизни уже такое было, когда он не поговорил с человеком нормально, а потом случилась трагедия. История с Юлой, его бывшей девушкой, так до конца и не отпустила Романа. Он продолжал считать себя виноватым в том, что она, поссорившись с ним, пошла в клуб к тем пьяным упырям.

— Маша, пожалуйста... — попросил он на очередном светофоре и, прижавшись затылком к подголовнику, повернулся к ней.

— Ром, — Маша, к его облегчению, тут же перестала делать вид, что его в машине нет: развернулась к нему и взяла за руку, — пойми, вы оказываете Лене медвежью услугу. Медвежья услуга — это...

— Я знаю, что это. Я учил идиомы, — слабо улыбнулся Роман.

Маша до этого ни разу не указывала ему на его проблемы с русским. Было немножко обидно.

— Ну вот и хорошо, что знаешь. С Димкой все понятно. Он всегда находил неординарные решения для всех ситуаций. Но ты-то нормальный. Ты же должен понимать, что дразнить вниманием влюбленную в тебя девочку — это не просто негуманно. Это опасно, Ром.

— Да мы же не дразним! — воскликнул Роман и постучался затылком о подголовник. — Я не могу ее бросить. Понимаешь?

Сзади посигналили. Оказалось, на светофоре успел загореться зеленый. Роман тронулся с места, не отнимая у Маши руки. Казалось, пока она держит его за руку, все на свете можно исправить.

— Надо позвонить Димке, — решила Маша и выпустила его ладонь.

Роман положил руку на руль.

— Мне позвонить? — спросил он, хотя говорить с Волковым не хотелось.

Все-таки в момент их первой ссоры Маша оказалась права. Димка зависал, глядя на нее, Димка начинал суетиться — включал режим классного парня. И Роману становилось тошно, а еще страшно, потому что Волков ведь был реально классным. Вдруг Маша не сегодня завтра тоже так решит? Иногда Роман представлял, что все вернулось на круги своя: Маша вновь уезжает из универа с Волковым, говорит с Волковым, постоянно шутит с Волковым, а Роману остается только наблюдать за этим издали, — и его накрывало такой волной безысходности, что хотелось выть. Тогда он думал о том, что они все могли погибнуть в той аварии, и становилось легче. Потому что Маша живая, но с Волковым — это определенно лучше, чем погибшая Маша. А то, что плохо будет самому Роману... ну, так ему не привыкать. Прорвется, как всегда. А еще его немного утешала мысль о том, что случилось у них с Машей в прошлое воскресенье. Если Маша на это решилась, значит, все-таки видит свое будущее с ним, потому что она явно была не из тех девушек, которые легко относятся к сексу.

Отбросив неуместные сейчас мысли, Роман понял, что его вопрос повис в воздухе без ответа, и повернулся к Маше. Она вздохнула и покачала головой:

— Приму удар на себя.

Пока Маша ждала ответа Волкова, Роман пытался успокоить заколотившееся от волнения сердце. Интересно, когда-нибудь он перестанет так нервно реагировать на бывшего-настоящего друга?

Динамик Машиного телефона был достаточно громким, поэтому Роман четко услышал резкое «алло». Кажется, Волков был не в духе.

— Привет, — голос Маши прозвучал мягко, и Роман, несмотря на недавнее самоуспокоение, почувствовал укол ревности.

— Привет, — ответил Волков.

— Ну как вы там?

— Нормально. Что-то случилось или ты просто так звонишь?

— Нет, я хотела узнать, как Лена, как все прошло?

— Зашибись, — огрызнулся Волков и спросил: — Крестовский рядом?

— Да, но он за рулем, — из Машиного голоса исчезли теплые нотки, и Роману стало немного жаль Волкова.

— Пусть меня потом наберет, — попросил Волков и, не прощаясь, отключился.

— М-да, — пробормотала Маша.

На парковке у Машиного дома неожиданно оказались свободные места. Вероятно, в вечер пятницы дачники выбрались за город.

— Сюда не паркуйся, — предупредила Маша, и Роман изменил траекторию, заходя на соседнее место.

— А там что было не так? — посмотрев в окно, уточнил он. На свободном месте не было нанесено никакой информации.

— Здесь паркуется только внук бабы Нины из четвертой квартиры.

Роман выбрался наружу, еще раз оглядел парковочное место и, обойдя машину, открыл Маше дверь. Ему ужасно нравилось чувствовать, как она кладет свою руку в его ладонь. Хоть ты целый день помогай ей из машины выходить.

— А где написано?

— Что написано? — не поняла Маша и хозяйским жестом застегнула куртку Романа под горло. Он вздернул подбородок, потому что сам пару раз прищемлял его молнией именно этой куртки.

— Про парковочное место.

— А-а. Да нигде. Просто баба Нина целый день пасет это место у окна, а когда кто-то из заезжих пытается припарковаться, выбегает ругаться.

— А места у многоквартирных домов выкупаются, да? Просто их ведь намного меньше, чем квартир, и...

— Ромка, — Маша улыбнулась и взяла его под руку, — все-таки ты так никогда и не перестанешь быть лондонским денди.

— Почему? — напрягся Роман.

— Ну, просто. Ты смешной.

Роман остановился и посмотрел на Машу сверху вниз. Она была очень красивая, и, черт, он не был готов кому-то ее отдать. Даже Волкову.

— Баба Нина просто решила, что это место ее внука, и всё, — пояснила Маша, по-своему истолковав его заминку, хотя Роман, заглядевшись на нее, уже и думать забыл о несчастном парковочном месте.

— А разве так можно? — искренне удивился он.

— Как видишь, можно, — пожала плечами Маша и потащила его в подъезд.

Перед исписанной граффити входной дверью Роман невольно сбавил шаг. Ему не нравился этот дом, не нравился подъезд, не нравилась необходимость встречаться с Машинной мамой, но выбора, увы, не было. Вернее, был, и он его уже сделал. Месяц назад, стоя на обочине и глядя на догравший в кювете форд, Роман решил остаться в Москве, чтобы быть с Машей, несмотря на уговоры отца и уже купленный билет до Лондона.

Они с Машей никогда не пользовались лифтом, потому что Маша как-то сказала, что ей нравится подниматься по лестнице, держась с ним за руки. Роману это тоже нравилось.

Между четвертым и пятым этажами было написано: «Мир наполнен оболочками наших душ». Роман каждый раз обдумывал эту фразу, потому что не был уверен в том, что имелось в виду. Оболочки душ — это тела или же что-то другое, абстрактное? Каждый раз, когда он собирался спросить у Маши, что она думает по поводу этой странной фразы, она обнимала его за шею и поднималась на цыпочки. Странная фраза волшебным образом тут же вылетала из головы Романа, потому что целоваться с Машей и одновременно думать он так и не научился.

Внизу с грохотом захлопнулась подъездная дверь, потом зашумел лифт, где-то наверху заиграла музыка и послышался собачий лай.

— У тебя в доме такого не бывает? — рассмеялась Маша ему в губы.

— Я кроме тебя ничего не заметил, — соврал Роман и тут же добавил: — Поехали ко мне, а? Обещаю вести себя прилично.

— Рискнешь отпросить меня у мамы? — Маша отклонилась назад, и ее улыбка стала коварной.

— Легко, — усмехнулся Роман. — Надеюсь, у тебя есть запасной я?

— Увы, — вздохнула Маша. — Ты штучный экземпляр. За это я тебя и люблю, — закончила она и стала подниматься по лестнице. Вот так просто, как будто ничего не произошло.

— Стоять, — севшим голосом произнес Роман и потянул ее назад. — Повтори, пожалуйста.

— И не подумаю, — заявила Маша и, воспользовавшись тем, что он ослабил хватку, вырвалась из его рук и понеслась вверх по ступеням.

Роман бросился следом, чувствуя, что улыбается как придурок. Поймать Машу удалось только у двери ее квартиры. Он обхватил ее поперек туловища и прижал спиной к себе.

— Не отпущу, пока не повторишь, — прошептал он ей в ухо, чувствуя, как сердце бухает в груди.

Маша откинулась затылком на его плечо и, вывернув шею, поцеловала его в губы. Роман понимал, что его отвлекают, но не отвлекаться просто не мог. В реальность его вернула трель дверного звонка. Оказалось, Маша успела позвонить в свою квартиру. За этот месяц Роман с удивлением обнаружил в ней склонность к неожиданному коварству.

— Это было нечестно, — стараясь выровнять дыхание, произнес он и выпустил Машу из объятий.

В принципе, можно было прямо сейчас сбежать по ступенькам и не встречаться с Машиными родителями, но он для себя решил, что не собирается доставлять Ирине Петровне такого удовольствия. Не то чтобы он мстил этой милой женщине и по совместительству их преподавателю английского за холодную войну, объявленную ею лично ему... Впрочем, да, мстил. И ему даже не было за это стыдно, потому что та кричала на Машу, запрещала Маше с ним видиться и всячески демонстрировала ему при встречах свое пренебрежение. Доведенный до крайней точки, Роман неделю назад пошел на отчаянный шаг — попросил отца поговорить с Ириной Петровной. В конце концов, это именно у него когда-то был роман с мамой Маши, а теперь Ирина

Петровна относилась предвзято не только к его отцу, но и к самому Роману. Но он-то здесь ни при чем. К сожалению, отец не просто не пошел ему навстречу, а сказал прямым текстом: «Я тебя спрашивал, уверен ли ты в решении остаться в Москве. Что ты мне ответил? „Да, я уверен“». Крыть было нечем. Отец же добавил, что не собирается решать личные проблемы великовозрастного лба. Мол, он его в объятия Маши не просто не толкал, а практически умолял Романа включить мозги и оставить Машу с Волковым в покое.

В общем, в борьбе с Ириной Петровной Роман оказался один. Была еще, конечно, Маша, но той и самой доставалось. И, кстати, оказалось, что страдать за любовь хорошо лишь в книгах. А на деле удовольствие было то еще.

За секунду до того, как дверь распахнулась, Роман успел поцеловать Машу в висок и сделать шаг в сторону.

— Добрый вечер, Юрий Викторович, — вежливо поздоровался он с отцом Маши. Тот его тоже не любил. Вероятно, за компанию с супругой.

— Добрый. Проходите, что застыли?

Маша впорхнула в квартиру и звонко поцеловала отца в щеку. Тот заметно подобрел, и Роман вспомнил свой первый разговор с Машей и ее фразу о том, что сам Роман будет отстреливать кавалеров будущей дочери еще на подлете к дому. Может, дело было не в солидарности с женой, а в том, что любому отцу сложно смириться с появлением в жизни его дочки другого мужчины?

— Спасибо за приглашение, но мне пора.

— Пройдите, Роман. У меня к вам разговор, — прозвучал откуда-то сбоку голос Ирины Петровны, и желудок Романа сделал сальто.

В довершение сегодняшнего дня только этого не хватало.

— Что случилось? — забеспокоилась Маша.

— Пока ничего. Поэтому я и хочу поговорить с Романом.

— Мама! — воскликнула Маша и отчего-то залилась краской.

Роман перевел взгляд с нее на Ирину Петровну.

— Рома, иди домой, — Маша уперлась в его грудь ладонями и подтолкнула к выходу.

— Ну, если в наше время мужчины не умеют отвечать за свои поступки, то пусть идет, разумеется. Удерживать его тут никто не будет.

— Мама!

На Машу было жалко смотреть.

— Маша, всё в порядке. Я поговорю. Не проблема, — успокоил ее Роман и расстегнул куртку.

— Мама, — Маша сложила руки перед собой в молитвенном жесте.

— У тебя был выбор, Мария. Ты его сделала. Теперь я буду беседовать с ним.

— Я сама с тобой поговорю. Правда.

— Да что ты? А как же «мне восемнадцать, что хочу, то и делаю»? — Ирина Петровна так похоже изобразила Машин голос, что оставалось только удивляться тому, что Маша — ее приемная дочь. Жесты, интонации, манера речи у них были абсолютно одинаковыми.

Роман разулся, повесил куртку на крючок и развел руки в стороны:

— Куда идти?

— На кухню.

Роман ободряюще улыбнулся Маше и двинулся в сторону кухни. Как же он ненавидел кухни. Почему на них вечно происходят самые неприятные разговоры?

Он был в гостях у Маши один-единственный раз, когда знакомился с ее отцом. Сам, дурак, на этом настоял. Это знакомство стало, пожалуй, одним из самых кошмарных его воспоминаний. Родители Маши разглядывали его так пристально, что, если бы не державшая его за руку Маша, он бы точно провалил это знакомство. Впрочем, он и так его провалил, потому что, кажется, нес какую-то чушь. Вернее, он пытался честно отвечать на вопросы о своей семье, но ему все время казалось, что его ответы выглядят как насмешка над Машиним отцом, служившим скрипачом в оркестре. Рассказывать о своей жизни и учебе в Лондоне было неловко, но другой жизни у Романа не было. С каждым его словом Машин отец все сильнее мрачнел, и Роман, окончательно стусевавшись, умудрился ляпнуть: «Почему в оркестре

служат, а не играют?» Ему казалось, что вопрос разрядит обстановку и позволит Машиному отцу рассказать о своей работе, но, еще не договорив, Роман понял, что таким идиотом мог быть только он. Какое счастье, что Волков не видел его позора!

Воспоминание о знакомстве с Юрием Викторовичем немного успокоило. Хуже уже вряд ли будет. Даже у неуклюжести Романа есть предел. Маша вошла следом, но Ирина Петровна молча взяла ее за плечи и выставила из кухни. Романа дико бесило, когда кто-то обижал Машу, но сейчас он решил промолчать.

— Итак, — Ирина Петровна указала ему на табуретку, присела напротив и смерила его взглядом.

— Итак? — эхом повторил Роман и, опустившись на указанное место, положил на край стола сцепленные кисти.

Ирина Петровна прищурилась. Хотя он не собирался ее злить, у него непроизвольно вырвалось. Просто от волнения.

— Если верить вашему личному делу в университете и тому факту, что у вас есть права, вы вполне совершеннолетний, — произнесла Ирина Петровна тем тоном, которым говорила с особо тупыми учениками. Ну, и с ним.

— Вполне, — подтвердил Роман, не понимая, к чему ведется этот разговор.

— В таком случае почему ваш отец звонит мне и просит не обижать его деточку?

Кровь бросилась Роману в лицо. Черт. Он не просил так. Он... впрочем, просил. Идиот!

— Извините, — пробормотал Роман, опустив взгляд к своим рукам и до боли стиснув пальцы. — Больше этого не повторится.

— Нет, я даже в чем-то вас понимаю, Роман. Вероятно, вы привыкли, что с детства все вопросы по щелчку пальцев решаются папочкой. Думаю, вы в курсе истории из нашей с вашим отцом молодости.

Ирина Петровна говорила спокойно, но было в ее голосе что-то такое, отчего Роман боялся поднять взгляд. Ему было стыдно. Теперь уже не только за себя, но и за отца, который бросил беременную от него девушку.

— Извините, — повторил он.

— Не извиню, Роман. До вашего появления Машка даже не думала ни о чем, кроме учебы. Это вы можете себе позволить пропускать занятия, брать академы... Один звонок вашего отца — и все улажено.

Это было несправедливо, потому что Роман не пропускал занятий, не брал академического отпуска. Он учился. На самом деле. Потому что по-другому не умел. И отец, что бы там ни думала Ирина Петровна, отнюдь не потакал ему во всем.

— Когда вашему отцу пришла в голову идиотская мысль, что Маша может быть его дочерью, он ведь первым делом предложил выбросить ее из университета.

Роман потрясенно вскинул голову.

— А вы не знали? Он сказал, что вам и так сложно в новой стране в русскоговорящем окружении, а Маша ничего, потерпит, он же, в свою очередь, компенсирует все расходы.

— Я не...

— Я понимаю, что глупо ждать ответственности и самостоятельности от мальчика, выросшего в семье у другого мальчика, поэтому, как вы успели заметить, я против вашего общения с Машей. Но, увы, моя дочь влюблена.

После этих слов, кажется, вся кровь в организме Романа прилила к лицу и ушам.

— Я... — снова начал он, но Ирина Петровна опять его перебила:

— Я не жду от вас ответных признаний, но мне казалось, вам не чужда порядочность. Поэтому я прошу вас не дурить моей дочери голову. Девочки и мальчики в восемнадцать смотрят в разных направлениях. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Я люблю Машу, — выпалил Роман то, чего еще ни разу не произносил вслух.

— Правда? — голос Ирины Петровны прозвучал холодно.

Роман поднял голову и выдержал ее уничижающий взгляд.

— Да, — твердо ответил он.

— А что такое любовь для вас, Роман?

— Я хочу, чтобы у Маши все было хорошо. Хочу о ней заботиться, быть рядом.

— Спать с ней.

— Простите? — Роман, поперхнувшись воздухом, закашлялся.

— А разве нет? — Ирина Петровна смотрела на него так, будто они говорили о погоде.

Роман прокашлялся и порадовался тому, что краснеть больше уже было просто некуда. Он понятия не имел, сказала ли Маша маме о том, насколько далеко зашли их отношения. Черт, а если это просто проверка?

Он вдохнул полную грудь воздуха, медленно выдохнул.

— Ирина Петровна, я не буду обсуждать это с вами. Извините.

— По-вашему, жизнь моей дочери меня не касается?

— Машина жизнь касается, конечно. Моя — нет.

Роман посмотрел в глаза Ирине Петровне, и та неожиданно улыбнулась.

— Ох, как жаль, что Машка сейчас этого не слышит. То есть вы сами по себе, она сама по себе? Отлично. Что и требовалось доказать, — Ирина Петровна встала и указала ему на дверь. — Больше не задерживаю.

Роман тоже поднялся и засунул руки в карманы.

— Нет, мы не сами по себе. Мы вместе. Просто я не хочу обсуждать вопросы, которые отказалась обсуждать Маша. Она ведь отказалась?

— А вы подлец, Роман. Вы в курсе?

Отчего-то услышать это было обидно. Наверное, потому, что раньше Ирина Петровна не позволяла себе прямых оскорблений.

— Почему?

— Маша — наивный ребенок. Она пацанов-то близко не видела, кроме Волкова. Но вот тот оказался порядочным. Не пользовался ни смазливой мордой, ни папиными деньгами.

Роман сжал челюсти. Сейчас уже было не просто обидно.

— Вы ошибаетесь, — четко произнес он.

— Я бы многое отдала за то, чтобы ошибиться, Роман, но я вижу, что происходит с Машкой. И я не вчера родилась: вы не из тех, кто будет просто держаться с девочкой за ручки.

Крыть было нечем, потому что как раз в прошлое воскресенье Маша провела в его квартире весь день, неожиданно решив, что готова к тому, чтобы «все было по-взрослому». Романа тогда рассмешила эта формулировка. Но Маша была такой храброй и напуганной одновременно, что смеяться он не стал. Он ведь любил ее так, что даже дышать рядом с ней нормально не всегда получалось. И после случившегося он будто на крыльях летал и смотрел теперь на Машу совсем иначе. Но оказалось, что это все можно убить вот такими словами.

— Я люблю Машу, — упрямо повторил он, потому что ничего другого сказать сейчас просто не мог.

— Главное, не забудьте об этом, когда соберетесь возвращаться в свой Лондон. Впрочем, вы хотя бы через неделю об этом не забудьте, — язвительно закончила Ирина Петровна и вышла из кухни.

Роман вышел следом и наткнулся на виноватый взгляд поджидавшей в прихожей Маши. Он подошел к ней и крепко обнял, наплевав на то, что это может увидеть Ирина Петровна.

— Я тебя люблю, — прошептал он ей на ухо.

— Ого! Разговоры с моей мамой, оказывается, идут тебе на пользу.

Роман нервно рассмеялся, а Маша чмокнула его в подбородок и прошептала:

— Я приеду к тебе завтра.

— Если тебя не запрут дома.

— Я сделаю веревку из простыней и сбегу, — рассмеялась она и добавила: — Спасибо, что ты не сердишься.

Он зажмурился и снова чмокнул ее в макушку. Плевать на них на всех. Главное, что они с Машей друг друга любят.

— Волкову позвони, — напомнила Маша перед тем, как закрыть за ним дверь, и Роман едва не застонал.

Легко было сказать. Вся дорогу до дома Роман собирался с духом, чтобы набрать номер Волкова. Несколько раз протягивал руку к телефону, но каждый раз передумывал. Волков был главной константой всей этой истории. Волков был тем, перед кем было особенно стыдно.

Добравшись до дома, Роман не стал включать свет в пустой студии. Аккуратно повесил куртку на вешалку, снял ботинки. Из панорамного окна открывался шикарный вид на высотку университета и ночную Москву. Сверху город был похож на подсвеченный механизм, в котором шестеренки не оставались ни на минуту. Роман забрался на подоконник, прислонился спиной к откосу, держа в руках телефон, и посмотрел на стандартные обои на заставке. Он хотел установить Машино фото на главный экран, но из-за Димки не стал.

Волков взял трубку после второго гудка.

— Чё-то ты медленно едешь, — сказал он вместо приветствия.

Роман усмехнулся и посмотрел на свое отражение в оконном стекле. Отражение выглядело немного испуганным.

— Разговаривал с Ириной Петровной.

Волков тоже усмехнулся, но комментировать не стал. Вместо этого сказал:

— Тебе там Лялька пароли должна была выслать.

— Сейчас проверю.

Включив громкую связь, Роман открыл мессенджер.

— Есть.

— Хорошо, — сказал Димка и снова замолчал.

Роман вслушивался в его дыхание, и его привычно накрывало неловкостью. За последний месяц Димка ни слова не сказал о Маше. В универе он, как и раньше, сидел с ней — Маша настояла. Вполне нормально с ней общался. Только теперь после занятий уезжал один. И если поначалу Роман думал, что со временем неловкость между ними троими уменьшится, то он глубоко ошибался. Говорить с Волковым было невыносимо. А еще невыносимо хотелось вновь стать друзьями. Иметь возможность посоветоваться, поговорить по душам или просто поболтать о всякой фигне.

— Ну ладно, пока, — прервал молчание Волков.

— Пока, — эхом откликнулся Роман, но Димка уже успел отключиться.